

**Исторические
науки**

3

1967

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

п 35

398а

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

3 (39)

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»

МОСКВА

«ВРАГИ» М. ГОРЬКОГО В ОЦЕНКЕ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Н. А. Горбанев

Статья «К психологии рабочего движения» (Максим Горький, «Враги») — одна из значительных работ Георгия Валентиновича Плеханова. В ней была дана первая в марксистской критике развернутая оценка замечательной горьковской драмы «Враги». Статья эта сыграла, бесспорно, положительную роль в борьбе против реакционной легенды о «конце Горького».

В то же время Плеханов связал свой анализ «Врагов» с фракционной борьбой против большевиков, против их тактики в рабочем движении. Это существенно снижало ценность его статьи и определило в дальнейшем, уже в наши дни, критическое, однако не лишенное односторонности, отношение к ней в работах Ю. Юзовского, Б. В. Михайловского и других исследователей¹.

До сих пор статья «К психологии рабочего движения» рассматривается главным образом (если не исключительно) как выражение меньшевистской позиции Плеханова. Другие ее стороны недооцениваются или вообще игнорируются². Между тем содержание и смысл статьи не сводятся только к защите ошибочной меньшевистской тактики. Они значительней и шире. Это становится особенно ясным, если рассмотреть статью на фоне общественно-литературной борьбы первого десятилетия 1900-х годов. В свете этой борьбы рельефнее выступает то положительное, что давала и дает статья Плеханова для понимания социально-психологического содержания пьесы Горького.

* * *

За месяц до появления работы Плеханова (опубликована в мае 1907 г. в журнале «Современный мир») Д. Философов поместил на страницах «Русской мысли» статью «Конец Горького», положившую начало одному из самых шумных и разнузданных походов реакционной прессы против пролетарского писателя. Философов утверждал здесь, что последние произведения Горького (в том числе и «Враги»), в кото-

¹ Ю. Юзовский, *Драматургия Горького*, ч. 1, М.—Л., Изд-во «Искусство», 1940, стр. 268—271; Б. В. Михайловский, *Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции*, М., Изд-во «Искусство», 1955, стр. 227—229.

² См., напр.: Л. Н. Иокар, *Из творческой истории пьесы «Враги», Горьковские чтения*, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 71. Едва ли не единственная попытка раскрыть положительное содержание статьи Плеханова сделана Б. И. Бурсовым в работе «Роман М. Горького «Мать» и вопросы социалистического реализма», М., Гослитиздат, 1955, стр. 109—111.

рых художник перешел от мотивов общечеловеческих к партийным и сделался пропагандистом социалистических идей, свидетельствуют будто бы о падении его литературного дарования³. Основной тезис статьи, выраженный в ее заглавии, был подхвачен всей антидемократической печатью — от черносотенных «Московских ведомостей» до декадентских «Весов»⁴.

Позже, в декабре 1911 г., Плеханов в письме к Горькому так определил главную причину, побудившую Философова и ему подобных поставить крест на его литературной деятельности: «...наша критика не может простить Вам того, что Вы социалист. Она пела Вам восторженные похвалы, пока думала, что из Вас выйдет художник-нищееанец. А когда увидела, что Вы перешли ницшеанский предел, она обиделась, огорчилась и принялась оплакивать «конец Горького». Всем этим Вы... можете только гордиться»⁵.

Одним из главных звеньев этой антигорьковской кампании были нападки на драматургическое творчество писателя. Прежде всего именно Горький-драматург «заставил говорить о «конце Горького», пишет один из современников⁶. И действительно, кроме «Мещан» и «На дне», принятых критикой более или менее доброжелательно, все последующие пьесы Горького встречали в прессе решительное осуждение.

Уже о «Дачниках» Философов говорил, что как художественное произведение они «просто не существуют, они вне литературы» и свидетельствуют об «измельчании» таланта Горького⁷. Количество таких высказываний возросло после выхода «Детей солнца» и «Варваров». «Каждая новая пьеса Горького является регрессом в отношении предыдущей. «Дети солнца» ушли в этом отношении дальше их всех»⁸, — писал один из критиков, и такой взгляд на эту и другие пьесы Горького об интеллигенции был довольно типичен. По А. Измайлову, например, «Варвары» — это «совершенно сырое, неформившееся произведение», оставляющее «впечатление понижения таланта Горького и страшного регрессирования в его драматических работах»⁹.

Своего апогея эти нападки достигли после появления драмы «Враги» (январь 1907 г.). Тогда и получила окончательную отделку легенда о «конце» Горького, создававшаяся, как мы видели, задолго до публикации печально известной статьи Философова.

Наряду с другими критиками-марксистами¹⁰ Плеханов выступил против этой легенды, взяв под защиту драматургию Горького в целом и отдельные его пьесы. Незадолго до того, как была написана статья о «Врагах», Плеханов в заметке «О черной сотне» (март 1906 г.) дал сжатую, но содержательную оценку «Детей солнца». Охарактеризовав

³ «Русская мысль», 1907, № 4, стр. 122—141.

⁴ Бэн (Назаревский Б.), Конец Горького, «Московские ведомости», 1907, № 199, 1 мая; Эллис (Кобылинский Л.), Еще о соколах и ужах, «Весы», 1908, № 7, стр. 53—58.

⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 341 (Далее ссылки на это издание приводятся в тексте). Статья Д. Философова была хорошо известна Плеханову. Одно место из нее он цитирует в своей рецензии на книгу Философова «Слова и жизнь» (XIV, 345—346).

⁶ «Русское богатство», 1907, № 6, стр. 106 (статья А. Редько).

⁷ «Новый путь», 1904, № 11, стр. 321, 332.

⁸ «Биржевые ведомости», 1905, № 9073, 13 октября.

⁹ «Биржевые ведомости», 1907, № 9689, 11 января.

¹⁰ Большую роль в борьбе за Горького в этот период сыграли также А. В. Луначарский (статьи «Дачники», «Варвары», «Литературный распад и концентрация интеллигенции») и В. В. Воровский («Максим Горький», «Еще о Горьком»). В работах, названных последними, эти критики прямо выступили против измышлений о «гибели» Горького.

здесь Горького как «знатока народной психологии» (XV, 52), он коснулся основной коллизии драмы — столкновения между «темным слесарем» Егором, с одной стороны, и Протасовым и прочими «детьми солнца» — с другой.

Тот факт, что в душе Егора уважение к ученому сменяется чувством злобы и жгучей ненависти, Плеханов вслед за автором объясняет трагическим разрывом между «детьми солнца» и «детьми земли», далекою интеллигенцией от народа, от его нужд и тревог. Если Протасов, замечает он, обнаруживает в отношении Егора «весь свой узкий эгоизм», то остальные «дети солнца» относятся к нему еще хуже: Чепурной в глаза называет его *собакой*; для художника Вагина, зараженного «сверхчеловеческими» теориями, темный слесарь тоже не человек (XV, 53).

«Кто виноват? — спрашивает Плеханов. — Виновата, очевидно, старуха-история, благодаря которой наши «дети солнца» до сих пор были тусклы, как старые медные пятаки. В этом, я думаю, и заключается основная мысль пьесы Горького, которую так плохо поняла наша критика»¹¹ (XV, 53).

Отзыв Плеханова о «Детях солнца» — самое раннее свидетельство высокой оценки им драматургического творчества Горького, социально-психологической правдивости его пьес.

Таким же образом Плеханов оценивает горьковскую драматургию и в статье «К психологии рабочего движения». Он выражает здесь решительное несогласие с теми, кто утверждал, что талант Горького падает, что его новые драматические произведения («Дети солнца», «Варвары») слабы в художественном отношении, далеки от запросов времени и т. п. Вразрез с этим ходячим мнением Плеханов называет Горького «высоко талантливым художником-пролетарием» (XXIV, 257) и указывает на его последнюю пьесу «Враги» как на замечательное художественное произведение, которое, бесспорно, опровергает подобные суждения.

«Новые сцены Горького превосходны, — пишет Плеханов. — Они обладают чрезвычайно богатым содержанием, и нужно умышленно закрывать глаза, чтобы его не заметить» (XXIV, 257).

Выявлению содержания «Врагов», первой в русской литературе пьесы о революционном движении пролетариата, и посвящена плехановская статья.

¹¹ Что пьеса М. Горького — прежде всего суд над «детьми солнца», оторвавшимся от народа и от живой жизни, — это было в общем ясно для либерально-буржуазной критики. Этот суд казался ей пристрастным и несправедливым (см., напр., статью Е. Колтоновской «Пристрастный суд», «Полярная звезда», 1906, № 9, февраль, стр. 656—662). В этом плане «Детям солнца» противопоставлялась драма Л. Андреева «К звездам» (А. Измайлов, Литературный календарь, «Биржевые ведомости», 1906, № 9332, 9 июня).

Были, однако, и такие критики, которые, фальсифицируя идейный смысл пьесы, объявляли Горького чуть ли не ренегатом и перебежчиком в лагерь интеллигенции. «Отдать все яркие лучи, всю моральную красоту людям интеллигентного круга, назвать их по преимуществу «детьми солнца», а на долю народа оставить душевную тупость и тьму, — это дележ совершенно несправедливый и особенно неожиданный в устах Максима Горького. Вчерашняя идеализация босячества перешла в осуждение, и на сцену явились заклеянные те самые пловцы дна, которых недавно показывали нам в таком симпатическом освещении», — так истолковывал пьесу Ю. Айхенвальд («Русская мысль», 1905, № 12, стр. 222). Неверно определял идею драмы и В. Фриче, считавший, что Горький не придал изображенной в ней коллизии социального характера, а свел все дело к «духовному непониманию» («Правда», 1905, № 12, стр. 26—27).

Очевидно, таких критиков и имел в виду Плеханов в данном случае.

Для правильного понимания и оценки статьи «К психологии рабочего движения» необходимо учитывать особенности критического метода Плеханова, своеобразие его подхода к литературе.

Будучи критиком-социологом по преимуществу, Плеханов рассматривал и оценивал литературные произведения, творчество отдельных писателей и даже целых школ и направлений прежде всего с точки зрения глубины и правдивости изображения «бытия» и «сознания» различных общественных классов. «Психология приспосаблиется к экономике, — писал он в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». — Но это приспособление есть сложный процесс и, чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобится талант художника. Вот, например, уже Бальзак много сделал для объяснения психологии различных классов современного ему общества. Многому можно научиться нам у Ибсена, да и мало ли еще у кого?» (VII, 237).

По словам Плеханова, романы Бальзака «представляют собой незаменимый источник для изучения психологии французского общества времен реставрации и Людовика Филиппа»¹², а внимательное изучение Ибсена «обязательно для всякого социолога» (XIV, 228). В своих критических работах, посвященных этим и многим другим писателям (Гамсуну, фон Поленцу, Некрасову, народнической литературе 70—80-х годов и пр.), Плеханов был именно таким социологом, ищущим в литературе отображения общественной психологии, т. е. «преобладающего настроения чувств и умов в данном общественном классе данной страны и данного времени» (VIII, 250—251).

Под этим углом зрения Плеханов рассматривал и произведения М. Горького, считая, что у него «может многому научиться самый ученый социолог» (XXIV, 276). «Враги», — пишет он, — интересны именно в социально-психологическом смысле», т. е. как произведение, в котором изображается борьба классов и показывается, «как определяется ею душевный склад действующих лиц, как она определяет собою их мысли и чувства» (XXIV, 257—258).

Как показал Плеханов, во «Врагах» превосходно раскрыты существенные черты пролетарской психологии, психологические основы пролетарской тактики и особая природа пролетарского героизма.

Отличительная черта психологии участника революционного движения рабочих, изображенная в сценах М. Горького, — это чувство солидарности со своими собратьями по классу, тяготение каждого из них к массе, осознание себя ее частью. Эта особенность пролетарской психологии нашла свое выражение и в одном из центральных эпизодов пьесы (готовность Рябцова взять на себя вину убийства Михаила Скроботова), и в финальной сцене допроса, где рабочие крепко стоят друг за друга.

Вместе с тем Плеханов подчеркивает, что тяготение рабочего к массе «прямо пропорционально его стремлению к независимости, его сознанию собственного достоинства, словом, — развитию его индивидуальности» (XXIV, 259). Участие в массовом движении пролетариата спо-

¹² Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. VI, М., Соцэкгиз, 1938, стр. 344. Говоря в другом месте о том, что в романе «Матвей Кожемякин» мастерски изображен процесс брожения и разложения «темного царства», Плеханов замечал: «Кто хочет ознакомиться с этим процессом, тот должен будет прочитать «Кожемякина», как должен прочитать некоторые сочинения Бальзака тот, кто хочет ознакомиться с психологией французского общества времен реставрации и Луи Филиппа» (XXIV, 341).

собствует умственному и нравственному развитию личности, росту чувства собственного достоинства. На это Плеханов указывал еще в 90-е годы, разбирая повесть Каронина «Снизу вверх». То, что отмечалось тогда им в образе молодого рабочего Михаила Лунина, в еще большей степени было характерно для рабочих Горького. «Поднимается народ разумом, слушает, читает, думает», — говорит Левшин о своих товарищах по борьбе.

Движение рабочих, будучи массовым по своему характеру и по психологии его участников, предполагает в качестве наиболее плодотворного приема борьбы за лучшее будущее сплочение и организацию пролетарских сил. У Горького, замечает Плеханов, это прекрасно сознают сами рабочие, один из которых говорит: «соединимся, окружим, тиснем и готово». (Заметим сразу: здесь и дальше Плеханов прав, защищая этот тактический прием и противопоставляя его терроризму; он заблуждается как меньшевик там, где начинает сводить все дело к объединению и организации, словно забывая, что они важны не сами по себе, а именно как средство революционной борьбы. В этом случае он дает не точное представление о содержании пьесы, а его произвольный перевод на язык меньшевизма.)

В этом отношении пролетарская тактика противоположна индивидуалистической тактике террора. Это опять-таки хорошо понимают рабочие, выведенные Горьким. Левшин осуждает Якимова, убившего в порыве гнева злого и жестокого директора завода Скроботова: «Эх, напрасно Андрей курок спустил! Что сделаешь убийством? Ничего не сделаешь. Одного пса убить — хозяину другого купить... вот и вся сказка». Приводя эти слова старого рабочего, Плеханов пишет: «Так называемый терроризм — не пролетарский прием борьбы. Настоящий террорист — индивидуалист по характеру или по независимым обстоятельствам» (XXIV, 260).

Значительное внимание Плеханов уделяет в статье вопросу о природе пролетарского героизма, о его новом качестве, вытекающем из общих особенностей психологии рабочего движения. В этой связи он разбирает две важнейшие сцены драмы «Враги» — разговор Левшина и Ягодина с Рябцовым и сцену допроса.

Левшин и Ягодин предлагают молодому рабочему Рябцову взять на себя вину за убийство Михаила Скроботова. «Ежели одному не пойти, многих потревожат. Потревожат лучших, которые дороже тебя, Пашок, для товарищеского дела», — так мотивирует Левшин свое предложение, и Рябцов без колебаний готов пожертвовать собой ради «товарищеского дела», — «не потому, что он лучше других, — замечает Плеханов, — а наоборот — потому, что другие лучше его» (XXIV, 266). В этой простоте и естественности пролетарского героизма, лишённого внешнего блеска, но исполненного высокого самоотвержения, сказывается, по мысли Плеханова, его более высокая природа.

Та же особенность пролетарского героизма отмечается Плехановым и в финальной сцене «Врагов» — сцене допроса, где героизм руководит всеми действиями обвиняемых. «Это — несомненные герои, — пишет Плеханов о рабочих. — Но это герои особого рода, особого закала, это герои из *пролетарской среды*» (XXIV, 265). Их простой и естественный героизм непонятен для представителей другой социальной среды, имеющих иное представление о героизме и героическом, — например, для актрисы Татьяны Луговой, которой кажется, будто «в них нет страсти, нет героизма».

Так характеризует Плеханов отличительные черты пролетарской психологии и пролетарского героизма, отображенные в драме М. Горь-

кого «Враги». Своеобразный подход к драме с позиций критика-социолога позволил ему раскрыть некоторые существенные стороны социально-психологического содержания произведения, раскрыть точно и глубоко, исходя из анализа текста горьковской пьесы, ее сцен и образов¹³.

Есть, однако, в статье Плеханова суждения и выводы, которые не столько «вычитаны» из драмы «Враги», сколько «вчитаны» в нее и расходятся с ее содержанием и смыслом. Это относится к тем частям статьи, которые содержат аргументацию в пользу меньшевистской тактики в рабочем движении.

Продолжая мысль о разном понимании героизма представителями различных классов, Плеханов предлагает «психологический эксперимент»: вообразить, что Татьяна Луговая усвоила социал-демократические идеи и стала членом рабочей партии. «В новой деятельности Татьяны Луговой непременно дало бы себя знать ее старое представление о героизме», — пишет Плеханов, — и «путь агитации и организации масс, — путь, на который почти инстинктивно выступают Ягодины и Левшины, — не раз представился бы ей недостаточно *героичным*» (XXIV, 266).

Что актриса Татьяна Луговая, став членом рабочей партии, могла принести с собою мелкобуржуазный взгляд на героев и на героическое, — в этом не было бы ничего неожиданного, и в этих пределах плехановский «эксперимент» не противоречил в общем содержанию пьесы и характеру героини. Но Плеханов идет дальше и пытается доказать, что меньшевистская тактика — это и есть подлинно рабочая тактика, а тактика большевиков — интеллигентская, что будто бы и подтверждается образами Левшина и Ягодина, с одной стороны, и образом Татьяны Луговой — с другой. Здесь уже все — явная натяжка: и стремление представить Татьяну Луговую выразительницей страстной и героической тактики большевиков, и настойчивое желание выдать путь агитации и организации масс чуть ли не за единственный тактический прием рабочего движения (как будто он исключал путь героической борьбы, по которому вели рабочий класс большевики и о котором, конечно же не случайно, ничего не сказал в своей статье Плеханов)¹⁴.

Столь же произвольна попытка Плеханова вывести из слов Левшина: «В этом деле страшнее — лучше», сказанных в конкретной ситуации и по определенному поводу, заключение о том, что участники освободительного движения пролетариата должны избегать излишнего оптимизма; что такой «романтический оптимизм» — свойство революционеров из буржуазной среды (вроде Татьяны Луговой в его «эксперименте»). Все эти соображения, высказанные Плехановым в связи с пьесой Горького, но вопреки ее революционно-оптимистическому смыслу, — не что иное, как пространный вариант его известной фразы: «Не надо

¹³ Те черты психологии рабочей массы, которые оттенены в статье Плеханова как наиболее важные, были таковыми и в глазах самого Горького. Это подтверждается, между прочим, словами Рябцова («Хоть молодой, а я понимаю, — нам надо цепью... крепче друг за друга») и Клеопатры («Нужно, чтобы люди жили тесно, дружно, чтобы все мы могли верить друг другу! Вы видите — нас начинают убивать, нас хотят ограбить! Вы видите, какие разбойничьи рожи у этих арестантов? Они знают, чего хотят, они это знают. И они живут дружно, они верят друг другу... Я их ненавижу. Я их боюсь. А мы живем все враждую, ничему не веря, ничем не связанные, каждый сам по себе...»). Сб. товарищества «Знание», кн. XIV, СПб., 1906, стр. 115 и 161.

¹⁴ В статье «Белый террор» (сентябрь 1903 г.), проводя водораздел между тактикой массового рабочего движения и терроризмом, между старым и новым пониманием героизма, Плеханов направлял свою критику в адрес «революционных старообрядцев» из партии социалистов-революционеров (XII, 443—450). Это было справедливо и обоснованно.

было братья за оружие». В таком отношении к романтике революционной борьбы, которую Плеханов называет «революционной алхимией», — зерно последовавшего вскоре осуждения им романа «Магь» (в предисловии к третьему изданию сборника «За двадцать лет», 1908 г.).

Доводы, которые привел Плеханов в статье о «Врагах» в пользу меньшевистской тактики, никак не вытекали из содержания пьесы, и в этом отношении у него не было, конечно, оснований проводить какую-то грань между Горьким-драматургом и Горьким-публицистом, сотрудником большевистской газеты «Новая жизнь». В драме «Враги», как это убедительно показали ее исследователи¹⁵, Горький был таким же защитником большевистской тактики, как и в своей публицистике.

То обстоятельство, что Плеханов пытался подкрепить свои шаткие позиции в области тактики произвольным толкованием некоторых образов и эпизодов пьесы, не должно зачеркивать положительных сторон его статьи. Его анализ «Врагов», как говорилось выше, во многом точен и глубок. Это особенно ясно видно на фоне высказываний критики того времени.

Большинство критиков реакционного и либерально-буржуазного толка прошло мимо социального и даже просто психологического содержания горьковской пьесы. Для этих критиков типичны высказывания вроде: «Враги» — «драма без человека», в которой «образы не обрисованы психологически» (Редько)¹⁶; «герои «Врагов» кажутся не людьми с натуры, а актерами, приглашенными Горьким на те амплуа, каких требовал шаблон благонамеренно-либеральной пьесы или романа» (Измайлов)¹⁷; «рабочие, которые выведены Горьким на авансцену, очень не типичны» (Бразоленко)¹⁸; «все эти люди не живут, а притворяются, надели маски и излагают какую-то скучную-прескучную роль» (Иванов)¹⁹; «все действующие лица только манекены, созданные по шаблону красных газет, с наклеенными на них ярлыками: черносотенец, жандарм, рабочий и т. д.» (Назаревский)²⁰ и т. п.

Для этой критики был неприемлем самый угол зрения, под которым рассматривал горьковскую пьесу Плеханов, его критический метод. Так, по мнению Игнатова, статья «К психологии рабочего движения» якобы только подкрепляет вывод Философова о «конце Горького», ибо то богатство социально-психологического содержания, которое нашел в пьесе Плеханов, служит будто бы доказательством не силы, а слабости писателя. Вслед за Философовым Игнатов упрекал писателя за то, что он во «Врагах» «спустился до уровня изобразителя психологических основ партийной тактики». «Как бы важно ни было понимание психологической основы рабочей тактики, — заключал он, — не может быть сомнения, что к общечеловеческому, к вечному оно относится как ничтожная дробь к целому»²¹.

Были среди критиков начала 1900-х годов и такие, которые, подобно Плеханову, рассматривали «Врагов» главным образом с точки зрения

¹⁵ См.: Б. В. Михайловский, *Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции*, М., Изд-во «Искусство», 1955, стр. 229, 231; Ю. Юзовский, *Максим Горький и его драматургия*, М., Изд-во «Искусство», 1959, стр. 188—190; Б. Бялик, *М. Горький-драматург*, М., «Сов. пис.», 1962, стр. 154.

¹⁶ «Русское богатство», 1907, № 6, стр. 108—109.

¹⁷ «Биржевые ведомости», 1907, № 9689, 11 января.

¹⁸ «Вестник знания», 1907, № 2, стр. 121.

¹⁹ «Перевал», 1907, № 3, стр. 60.

²⁰ «Московские ведомости», 1907, № 24, 30 января.

²¹ «Русские ведомости», 1907, № 163, 13 июля.

изображения современного рабочего движения и психологии его участников. Однако они не нашли в пьесе М. Горького сколько-нибудь удовлетворительного освещения того и другого. К таким критикам принадлежали прежде всего В. Фриче и Ф. Калинин. Их критические отзывы о «Врагах» появились после статьи Плеханова и — прямо или косвенно — полемичны по отношению к ней. Основной пункт разногласий — именно вопрос об отображении в драме М. Горького психологии пролетарского движения.

Разбирая пьесу в статье «Эволюция театра и драмы», Фриче отчасти повторял Плеханова там, где касался вопроса об особенностях пролетарского героизма. Он писал, что герои-рабочие в пьесе Горького «не похожи на героев в обычном смысле этого слова», ибо «в них нет ничего блестящего и эффектного», и они могут показаться интеллигентам вроде Татьяны Луговой «серыми» и «простыми». «И однако эти «простые» люди, — продолжал критик, — бесконечно сильны чувством солидарности, круговой порукой, связующих их в непобедимые колонны, своим лозунгом: «один за всех, все за одного»... В этой солидарности — залог победы». Вместе с тем в статье Фриче выдвигался тезис, который резко противоречил положениям работы Плеханова. Критик считал, что в драме Горького «самая тактика пролетариата носит не коллективистический характер, а индивидуалистический, она облечена в форму старомодного фабричного террора, а не в современную форму стачки»²².

На подобной же точке зрения стоял и Ф. Калинин в статье «Тип рабочего в литературе». В соответствии с основным тезисом своей статьи: интеллигент еще может думать за молодой рабочий класс, но чувствовать за него он не может — критик считал неудачной попытку Горького изобразить во «Врагах» психологию рабочей массы. По его мнению, Горький, желая выразить в своей пьесе идею рабочей солидарности, взял ее совсем не в той области, где она обычно выражается в рабочем движении. «Форма проявления рабочей солидарности, которую изображает М. Горький, — пишет он, — носит вполне сектантский характер. Эта форма солидарности присуща всем тайным организациям, в особенности когда в них есть налет фанатического мистицизма. В значительной степени произведение тем и неудачно, что автор не сумел нащупать подлинную рабочую идею социалистической солидарности»²³.

Все это прямо противоположно тому, что утверждал Плеханов и что заключено было в самой пьесе, где, с одной стороны, осуждалась тактика индивидуального террора, а с другой — признавалась ошибкой и попытка Левшина «подменить» убийцу. В эпизоде с подменной убийцы Плеханов увидел не одно сектантство, а самое главное — демонстрацию рабочей солидарности, готовность молодого Рябцова к самоотверженному подвигу во имя общего «товарищеского дела». В этом отношении, как и во многих других, плехановский анализ «Врагов» был вне всяких сравнений.

* * *

Важная заслуга Плеханова в статье — глубокий анализ философско-этических проблем, поставленных в пьесе: вопросов о зле и путях борьбы с ним, о соотношении морали пролетарской и общечеловеческой, о подлинном гуманизме. Вопросы эти не случайно были поставлены Плехановым. Его оценки были направлены и против тех, кто видел в

²² Из истории новейшей русской литературы, М., Изд-во «Звено», 1910, стр. 111.

²³ «Новый журнал для всех», 1912, № 9, стр. 101—102.

пьесе М. Горького призыв к примирению классов, и прогив тех, кто находил во «Врагах» чуть ли не руководство к террору и убийству. В первом смысле пьесу истолковывал критик «Русского Востока»²⁴, во втором — небезызвестный Бэн, он же Б. Назаревский, критик и редактор ретроградных «Московских ведомостей», с бешеной злобой к революции и ее художнику писавший, что Горький во «Врагах» «стремится приноровить свой язык к краткому, но выразительному языку революционных брошюр и прокламаций»; что «вся его новая пьеса представляет распространенную почти на 200 стр. прокламацию р. с.-д. партии»; что «Враги» — это «руководство к политическим убийствам», в котором убийство «разрешается, поощряется и оправдывается тем, что виноватыми оказываются, по логике революционеров, не убийцы, а их жертвы»²⁵.

Анализ Плеханова был направлен не только против критиков пьесы Горького, но и — в первую очередь, пожалуй, — против критиков рабочего движения, которые не видели в рабочей массе «ничего, кроме серой «толпы», а в психологических мотивах ее борьбы — ничего, кроме грубых, почти животных, побуждений» (XXIV, 269), и которые резкой гранью отделяли классовую мораль пролетариата от «общечеловеческой» морали.

Разбирая образ Левшина, Плеханов глубоко и проникновенно раскрывал «настроение чувств и умов» рабочего класса, борющегося за свое освобождение, нравственно-психологический мир его представителей.

По Плеханову, Левшин — «сознательный рабочий», «мыслящий пролетарий»²⁶. Классовая точка зрения не исключает, однако, у этого типичного пролетария любви к «человеку вообще», как об этом твердили критики пролетарской морали. Дело в том, прежде всего, что взгляд старого рабочего не узок, а широк: он убежден, что зло не в людях, а в общественном устройстве.

Приводя в своей статье ряд сцен и эпизодов, связанных с образом Левшина, его суждения о копейке («Все человеческое на земле медью отравлено, милая барышня... Все люди связаны медной копейкой»), его грустные и меткие слова о станоме, у которого «должность такая... обижаящая!», о необходимости уничтожить, «схоронить» копейку и т. п., Плеханов характеризует его взгляд на жизнь как «несложный, но своеобразный и глубоко человеческий» (XXIV, 269).

«Для него «копейка», — пишет Плеханов о Левшине, — символ целого строя. Его любящая душа исстрадалась от зрелища той жестокой свалки, которая происходит ради «копейки» в капиталистическом обществе... И он примыкает к социалистам, желающим того же, к чему стремится его честная и чуткая душа: «уничтожить копейку», т. е. устранить нынешний экономический строй...; «уничтожить копейку» для него значит уничтожить все то зло, которое делается теперь людьми в экономической борьбе за существование» (XXIV, 273).

²⁴ См.: Б. Бялик, М. Горький—драматург, М., «Сов. пис.», 1962, стр. 173.

²⁵ «Московские ведомости», 1907, № 24, 30 января.

²⁶ В работе Б. В. Михайловского «Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции» Левшин характеризуется как рабочий с довольно сильными пережитками крестьянской психологии, как носитель «гуманизма толстовского типа», который находится лишь на пути к усвоению пролетарской морали. Исследователь даже считает, что «неправильно представлять Левшина главным «идеологом» пролетарского лагеря во «Врагах», как это делал Плеханов» (указ. соч., стр. 227). В отношении Левшина к насилию Б. В. Михайловский видит не диалектику чувств, а эволюцию от отрицания насилия к его признанию. Думается, что Плеханов правильно определил место Левшина в общей композиции драмы, глубже раскрыл сущность его нравственно-психологического облика.

В то же время Плеханов показал, что пролетарский гуманизм неизбежно связан с борьбой против «копейки» и основанного на ней строя человеческих отношений; что борьба пролетариата против зла, господствующего в капиталистическом мире, предполагает насилие; что пролетарская мораль противоположна в этом смысле толстовской заповеди «не противьтесь злу насилием». Левшин, по природе самый мягкий человек, склонный к всепрощению, отнюдь не отвергает насильственных средств, когда это нужно для «общего, человеческого» дела. Будучи противником террора и не одобряя убийства Михаила Скроботова, он в то же время с жестокостью, неожиданной в его устах, говорит по поводу этого убийства: «Злого и убить. Добрый сам помрет». И если он отвергает террор, то не потому, что вообще против насилия, а потому, что террористический акт ничего не меняет («Одного пса убить — хозяину другого купить»).

Плеханов, касаясь этого кажущегося противоречия в характере Левшина, верно замечает: «Он полон любви, но диалектика общественной жизни отражается в его душе в виде диалектики чувства, и любовь делает его борцом, способным на самые суровые решения. Он чувствует, что без них нельзя обойтись, что без них зла будет еще больше» (XXIV, 274).

В этом существенное отличие пролетарской нравственности от морали Льва Толстого, которая построена на такой арифметике: насилие + + насилие = двум насилиям. Противопоставляя арифметике Льва Толстого алгебру революционной борьбы, Плеханов указывал, что революционное насилие, изменяя к лучшему общественное устройство, устраняет значительную часть тех причин, которыми вызывается преступность, и ведет не к умножению зла, а к его уменьшению. «Пролетарии, подобные Левшину и его товарищам, считают себя обязанными *устранять зло, а не устранять себя* от участия в нем» (XXIV, 275). Во «Врагах» Горького, заключает Плеханов, ярко иллюстрируется деятельный характер пролетарского гуманизма, «и одного этого было бы достаточно, чтобы сделать его новую пьесу замечательным художественным произведением» (XXIV, 276).

Все сказанное позволяет сделать вывод, что статья Плеханова «К психологии рабочего движения» при всех ее недостатках — одна из наиболее ярких и глубоких критических работ о М. Горьком начала 1900-х годов, многие положения которой до сих пор не потеряли своего значения.

г. Махачкала

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ю. В. Эльзбугас. Дательный заинтересованного лица в современном русском и литовском языках	Стр. 3
Н. К. Пирогова. О нормах и колебаниях в ударении (на материале глагола)	14
И. П. Распопов. К характеристике конструктивных типов простого предложения в современном русском языке	23
М. М. Маковский. О «лексическом» выражении видовой дихотомии в германских языках	34
Е. С. Троянская. Отбор языкового материала для статистической обработки	41
В. С. Баевский. Числовые значения силы слогов в стихе альтернирующего ритма	50
Н. А. Горбанев. «Враги» М. Горького в оценке Г. В. Плеханова	56
В. И. Глухов. Гоголь-сатирик и народная сказка	66
И. Б. Канторович. Б. Шоу и современная зарубежная драма	76

Дискуссии и обсуждения

А. В. Исаев. К вопросу о фонологических антиномиях	89
С. В. Тураев. Исторический урок просветителей	97
И. Е. Верцман. К вопросу о просветительском реализме	107

Материалы и сообщения

А. Глассе. В. К. Кюхельбекер — издатель журнала «Невский Зритель» (январь — апрель 1820)	114
И. В. Мыльцына, А. В. Толстая. А. С. Грин в Архангельской ссылке	

В помощь преподавателю вуза

Д. Г. Кульбас. Из опыта проведения практических занятий по курсу «История русской литературы XIX в.» в педагогическом институте	120

По страницам зарубежной печати

Л. Н. Виноградова. "Słownik folkloru polskiego", pod red. J. Krzyżanowskiego, Warszawa, 1965	129
Н. П. Банникова. Günter Dietel. Reiseführer für Literaturfreunde. I. Ullstein Bücher Frankfurt am Main — Berlin, 1965, 340 S.	

Критика и библиография

А. Н. Николукни. Американская литература XX века	136

Научная жизнь

Е. Цыбина. Симпозиум по теоретическим проблемам восточных литератур	140
И. Вахриченко. Первая межвузовская конференция по межнациональным литературным связям	142
Академик Иван Иванович Мещанинов (1883—1967)	143